

МИРЫ СЛАВЯНСКОЙ МИФОЛОГИИ

ТАИНСТВЕННЫЕ СУЩЕСТВА
И ДРЕВНИЕ КУЛЬТЫ

Колibri

Москва

УДК 299.18+398

ББК 82.3(2)

Г92

Lise Gruel-Apert

LE MONDE MYTHOLOGIQUE RUSSE

Перевод с французского Ирины Голыбиной

Грюэль-Апер Л.

Г92 Миры славянской мифологии : Таинственные существа и древние культы / Лиз Грюэль-Апер ; [пер. с фр. И. Д. Голыбиной]. – М. : КоЛибри, Издательство АЗБУКА, 2025. – 400 с. : ил.

ISBN 978-5-389-26552-3

Куда летит в своей ступе Баба-яга? Как выглядят русалки? Что дарят домовым? Кто и зачем справляет «куриный праздник»? Лиз Грюэль-Апер, посвятившая жизнь популяризации русской культуры на Западе, представляет свой свежий взгляд на мифологию славянских народов. На страницах этой книги вас ждут древние божества, загадочные духи природы и потусторонние создания — от мудрых и добрых до коварных и смертельно опасных. Вы узнаете, как наши предки объясняли смену времен года, поклонялись силам природы и передавали из поколения в поколение удивительные сказания и тайные обычаи.

«Немного искусственное, книжное и потому мертвое представление о мифологии, царившее еще недавно в просвещенных кругах, шло вразрез с живой, эволюционирующей, подвижной картиной, которую демонстрируют славянские документы и источники. Многие обряды и фигуры из народной мифологии Западной Европы восходят к обрядам и мифологии славян. Это исследование позволяет погрузиться в верования и ритуалы всего европейского пространства — а то и выйти за его пределы» (Лиз Грюэль-Апер).

УДК299.18+398

ББК 82.3(2)

ISBN 978-5-389-26552-3

© Éditions Imago, 2014

© Голыбина И. Д., перевод на русский язык, 2025

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство АЗБУКА», 2025

КоЛибри*

ВВЕДЕНИЕ

В большинстве трудов по мифологии мирового или даже европейского охвата, опубликованных во Франции, мифология русская – и в целом славянская – занимает не более двух-трех страниц (если вообще там фигурирует). Зачастую в нескольких абзацах авторы относят славян к индоевропейцам, пытаются отыскать в их сборной мифологии три функции Дюмезиля¹ и переходят... к следующей мифологии. Что это – неосведомленность, игнорирование? Возможно, но таким объяснением нельзя удовлетвориться. Помимо очевидных предвзятостей, существуют и другие причины отсутствия интереса, что наносит ущерб научному подходу.

Фактически славянских мифов не существует (или существует крайне мало), если подразумевать под мифами сказочные и одновременно упорядоченные (одно не противоречит другому) рассказы, посвященные богам или героям,

¹ Согласно теории трех функций филолога Жоржа Дюмезиля, протоиндоевропейское общество состояло из трех социальных групп, каждой из которых соответствовала своя функция: жрецы (сфера сакрального, осуществление верховной власти), воины (сражения, проявления силы и доблести) и простолюдины (сфера экономики, ведение хозяйства). — *Здесь и далее — прим. ред.*

в которых верит (или верил) народ. Славянская специфика (или, если предпочитаете, славянский гений) заключается в том, что крестьянство [1] выражает свои верования не столько в рассказах, сколько в обрядах, празднествах, песнях, сказках – разного рода фольклоре. Так, хотя в аграрных весенних праздниках явственно прослеживается иерогамия земли-жены/неба-мужа, рассказа, на котором это убеждение основано, не существует (если не считать некоторых – условно мифологических – сказок, которые на него намекают, но не развивают). Обряды и праздники единственные являются его безусловным свидетельством. Конечно, в XIX веке а posteriori были выстроены «мифологизирующие» конструкты в попытке одновременно ответить на запросы образованной аудитории и ввести русский/славянский материал в корпус индоевропейской мифологии, но все это лишь подделки. Афанасьев занялся этим первым и, с его прилежанием и талантом стилиста, добился некоторых успехов. Следом за ним писатели, композиторы и художники стали в этом смысле толковать лингвистические и исторические открытия своей эпохи.

Многочисленные обряды, о которых идет речь, действительно восходят к латентной мифологической концепции. Известно множество жестов и движений, ритуальных актов, подношений, жертвоприношений или их симулякров, заговоров и песен, коллективных проявлений радости или печали, застольных тостов и плачей, и даже нарративных фрагментов (в том числе сказок и былин), но нет (или очень мало) последовательных повествований, выстроенных, например, вокруг рождения или боевых подвигов, любовных походов или претензий на власть того или иного бога. Поэтому сложно, сохраняя научную объективность, использовать здесь термины «миф» и «мифология». Этнограф Зеленин, резюмируя эту ситуацию, жаловался, что наряду с «мифологией» наука не придумала ни термина, ни концепции «ритология» (не

существует ни в русском, ни во французском языке), ведь она больше подошла бы – по крайней мере по отношению к славянским странам – для точного описания обрядового и культурного материала, одновременно очевидного и ускользающего от пристального изучения.

Итак, у нас нет цельного нарратива – только обрывки, разрозненные истории, сказки; нет или мало фигуративных изображений, за исключением вышивок; нет или мало храмов, мало идолов, поскольку дерево не выдерживало испытания временем. Если добавить сюда репрессии со стороны церкви, которая, как повсюду в Европе, уничтожала все, что ее не устраивало, доказательства существования славянской мифологии оказываются крайне скудными.

Сюда добавляются редкость и характер документов и свидетельств, сохраненных для нас историей стран, о которых идет речь. У нас имеются: 1. Тексты историков Античности, плохо информированных о нравах и обычаях славян. 2. Комментарии отцов церкви, негативно настроенных по отношению к предыдущим религиозным практикам. 3. Тексты средневековых летописей, написанных монахами и зачастую основанных скорее на легендах, чем на достоверных исторических фактах. 4. Записки нескольких путешественников, арабских или западных. 5. Этнографические и фольклорные исследования XIX века, обильные, но по самой своей природе недостаточно конкретные. 6. Более современные открытия в области этимологии и прежде всего археологии. Возьмем для примера языческого бога Перуна: удалось обнаружить следы его культа на севере славянских стран, найти некоторые святилища этого культа и подтверждения его существования в хрониках. Народная христианская мифология, со своей стороны, позволяет предположить, что этот бог трансформировался в христианского святого. В то же время о собственно Перуне мы не знаем ничего, за исключением его предположительной сферы влияния. И это один из богов, о которых

нам известно больше прочих – по крайней мере, мы уверены в его существовании и функциях! Конечно, археологические раскопки дают нам неоспоримые свидетельства с точными датировками. Они же позволяют подтверждать существование определенных древних верований. Но мифов – по крайней мере четко сформулированных – в нашем распоряжении нет.

Итак, возникает первая гипотеза: мы имеем дело с мифологией подспудной, проявляющейся в ритуальных манифестациях, имя которым – легион. Иными словами – и этот парадокс сбил с пути немало исследователей, – русское, и вообще славянское, общество буквально утопает в разнообразных верованиях, но выражаются они не в мифологии. Синтетического воплощения, в литературной или какой-либо другой форме, этого разрозненного ансамбля магических ритуалов и обрядов не существовало даже в древности. Лишь христианизация [2] внесла в них некоторую систему, но сделала это, опираясь на собственные критерии. С этой целью она, как свидетельствует «Повесть временных лет», действовала «огнем и мечом», снося древние святилища, чтобы воздвигнуть свои (но сохраняя их основания, что стало настоящим подарком для археологов), уничтожая прежние верования, окультуривая заново крещеные племена, но также и ассимилируя старинные практики и даже перенимая, в свою очередь, некоторые из них: так важнейший культ Богородицы является наследием повсеместно распространенного культа Матери-земли.

В результате получаем широчайший круг обрядов, восходящих к архаической стадии развития человечества, предшествующей даже, по мнению некоторых авторов, великолепной греческой мифологии или менее эстетически успешным «Эддам». Малая представленность мифов о сотворении мира также является аргументом в пользу данной гипотезы.

У этого архаизма есть свои минусы, поскольку он не дает нам организованной мифологической системы, но есть и значительные достоинства: он позволяет (благодаря скрупулезным этнографическим исследованиям, проведенным в XIX веке) составить представление о древнейших обрядах и верованиях Западной Европы (и даже античной Греции). Суть археологических находок (которые никогда не являются прямым свидетельством бытующих убеждений) на остальной территории Европы внезапно открывается пониманию благодаря этнографическим данным – русским, славянским и финно-угорским – XIX и XX веков (см., например, главу об умерших неестественной смертью или о жертвоприношениях животных). Соответственно, недостатки компенсируются огромными достоинствами, обращающими свод этих данных в ключ к пониманию ансамбля верований в общеевропейском, если не общемировом, масштабе.

Следует ли поэтому отказаться от концепции мифологии? Это тоже было бы неверно. Мы убедились, что в ходе истории совершались серьезные попытки превратить разрозненные обряды и фрагменты нарратива в мифологию: народное христианство с его сонмами святых XI века; индоевропейские реконструкции с претензией на «научность» XIX века. Стараясь дистанцироваться от обоих течений, мы не можем не принимать их в расчет. Они являются доказательством того, что конверсия комплекса обрядов в мифологию все-таки была начата.

Но есть и вторая гипотеза, объясняющая уже констатированное отсутствие: вполне вероятно, мы имеем дело с мифологией забытой, которую следует восстановить. Если исследователи французской мифологии обнаруживают в Гаргантюа или Мелюзине древние галльские божества, почему не сделать то же самое с Бабой-ягой или другими персонажами из устной традиции? Где проходит граница между героями сказок, легенд или былин и божествами с собственным культом?

Основываясь на последних исследованиях, включающих анализ текстов, этимологические сравнения, археологические находки [3] и открытия ученых, представляющих различные дисциплины, мы можем по-новому поставить вопрос о существовании этой мифологии – забытой или имплицитной.

Возникает третья гипотеза. Можно констатировать, что еще в XIX веке чувство религиозного, божественного, то есть магического, охватывало всю повседневную или наблюдаемую действительность, привычную крестьянину, будь то природа и животные, продукты человеческой деятельности, благоприятные и неблагоприятные события. Поэтому справедливо будет говорить о мифологическом мире, который, хотя и размытый, охватывает все проявления жизни, социальной и индивидуальной, свидетельствуя о связи – явной или подспудной, но присутствующей – со сверхъестественными силами. В этом и состоит главное доказательство его существования [4].

Мы приходим к выводу, что вопрос мифологических концепций у славян сложен и имеет комплексный характер. О внутренних факторах, влияющих на него, мы уже поговорили – обратимся теперь к внешним.

В первую очередь следует упомянуть условия – географические, климатические, исторические, средовые, – определившие судьбы этих стран. Территориальная дисперсия славянских народов вообще и восточных славян в особенности стоит среди них на первом месте. Восточные славяне занимали огромные, слабо населенные территории с небольшим количеством непреодолимых природных барьеров и потому удобные для переселений и вторжений. В большей мере это относится к югу, краю степей, чем к северу с его суровым климатом и лесными массивами, долгое время оставшимися непроходимыми. На юге и юго-востоке, преимущественно под внешними влияниями, успешно формировались

выдающиеся цивилизации, которые, к сожалению, так же легко исчезали, в то время как север и восток, покрытые лесами и слабо населенные менее цивилизованными племенами, позволяли восточным славянам укрываться в сложные исторические периоды. В двух этих случаях автохтонные влияния были принципиально разными. В результате, по контрасту с южными цивилизациями, обладавшими государственностью и сформированной мифологией «высшего порядка» (которая могла быть забыта), на севере мы встречаем конгломерат племен, у которых царят демонология, культ мертвых и поклонение природе, а мифологическая мысль, хотя и не сформулированная, присутствует повсюду.

Есть и другая сложность, вытекающая из предыдущей. Она обусловлена комплексом имеющихся у нас данных о различных стадиях экономического развития: аграрная экономика, достаточно древняя на юге, но часто осложняемая войнами, вторжениями и нападениями разбойников; смешанная экономика, включающая охоту и примитивное сельское хозяйство, на севере. Этот фактор усиливает разницу между ментальными репрезентациями, с которыми мы имеем дело. Наконец, многочисленные этнические и религиозные влияния ставят под вопрос сами термины «славянин» и «русский» [5]. В ходе истории русские контактировали со многими неславянскими этносами (особенно финно-угорскими), которые ими в основном ассимилировались, а также с восточными государствами, с которыми они сражались. Эти популяции, колонизированные и принявшие крещение, в ответ повлияли на русских. Этот фактор необходимо принимать в расчет, как сделал в свое время Зеленин. Более того, сам термин «русский» приобрел свой современный смысл не ранее XVIII века.

Потому не стоит удивляться, что мы сталкиваемся с очень пестрой и порой противоречивой картиной, не позволяющей сформировать не то что однородную, но хотя бы более-менее цельную систему.

Итак, культурный материал – русский и, в более широком смысле, славянский – представляется разрозненным, плохо датированным и неточным, но его большим достоинством является то, что содержащиеся в нем данные восходят к более древним стадиям развития человечества, чем соответствующий западный материал, и потому позволяют делать уникальные сопоставления и выводы.

Хотя это и очевидно, уточним: тема, интересующая нас в данном случае, это не православие византийского происхождения и совершенно точно не католицизм. Эти официальные религии, безусловно, сыграли важнейшую роль в формировании государственности, однако они интересуют нас здесь лишь в той мере, в которой им удалось повлиять на народные верования. Мы будем придерживаться последних.

Разнородность материалов не позволила представить данное исследование в наглядной форме словаря – в чем заключался наш изначальный замысел, – потому что одно понятие, ритуальное или культурное, могло приобретать, в зависимости от региона, периода или этноса, совершенно разные значения. Чтобы не множить статьи и отсылки (которые остались бы мертвой буквой для нерусскоязычного читателя, а порой и для русскоязычного тоже), мы предпочли сгруппировать материал по теме, под наиболее популярным и обобщающим названием (указав в первом абзаце его самые распространенные значения). Алфавитный указатель призван компенсировать такую неудобочитаемость (по сравнению со словарем).

Приведа в начале основные определения, мы перейдем к судьбам языческих божеств до XIII века; затем рассмотрим широко распространенный культ мертвых и природы, а также демонологию, сохранявшиеся в крестьянской среде еще в XIX веке. Мы прибегнем к фольклорным данным,

поскольку фольклор имеет – с этим согласны все специалисты – выраженную мифологическую коннотацию. Мы приведем краткие сведения о хранителях древних культов – ведьмах и колдунах, – коснемся народной христианской мифологии и, наконец, обратим внимание на некоторые внешние влияния, которые могут казаться забытыми, в частности финно-угорское.

Уточним, что исследование проводилось на русском и восточнославянском материале. Данные по другим славянским (иногда румынским) и финно-угорским этносам приводятся лишь в качестве примера. В целом это исследование не претендует – даже относительно России – на всеобъемлющий характер и является лишь некоторым введением в предмет.

Следует отметить, что в самих славянских странах область обрядов и верований, равно как и мифологии, не является *terra incognita*. Во второй половине XIX века на эту тему было написано немало исследований, что подтверждает приведенная в конце книги библиография. В их числе нельзя обойти вниманием средневековые летописи, масштабный основополагающий труд А. Н. Афанасьева, книгу чешского ученого Л. Нидерле, этнографические исследования Д. К. Зеленина, работы и энциклопедию С. А. Токарева, труды В. Я. Проппа и Б. А. Рыбакова, словарь «Славянских древностей» [6] в нескольких томах и т. д. Следует также упомянуть работы некоторых германистов и итальянского ученого Э. Гаспарини.

Во Франции значительных результатов добились Жорж Дюмезиль и Луи Леже (первая половина XX века), оба выдающиеся филологи. Однако они опирались на письменные средневековые источники, почти полностью игнорируя все прочее. Несмотря на значительную эрудицию, эти ограничения зачастую компрометируют их выводы.

В настоящее время ведутся дискуссии о взаимных влияниях между христианской религией – доминантной, но

установившейся достаточно поздно, – и пережитками более древних верований, которые с ней сосуществовали. Нет ничего удивительного в том, что Зеленин, этнолог, рассуждает о мифологии имплицитной, Рыбаков, археолог, о мифологии забытой, а Пропп, фольклорист, о мифологическом аспекте фольклора, в то время как более поздние авторы ставят на первое место мифологию индоевропейскую, а за ней – народную христианскую.

I. ОПРЕДЕЛЕНИЯ И ПРОИСХОЖДЕНИЕ

Если объяснять сам термин «мифология», то и слово «русский» тоже заслуживает определения. Можно ли говорить о «русской» мифологии до XVIII века? Если да, то в каком смысле? Слово «славянская» также нуждается в толковании. Для этого нам придется, хотя бы ненадолго, погрузиться в историю.

Люди населяли территорию Центральной и Восточной Европы со времен палеолита. Доказательством тому служат палеолитические Венеры с Костёнковской стоянки близ Воронежа. Известно о существовании археологических культур, датируемых II–I тысячелетием до н. э. Скифы возникли между VIII и III веками до н. э. в междуречье Волги и Днестра.

В I веке до н. э. римляне завладели Босфором. С III века н. э. готы, гунны, булгары, хазары, печенеги сменяли друг друга, проносясь через степи и изгоняя тех, кто прошел там до них. Часть булгар ушла к Дунаю, другая – к Волге. Хазары сформировали в VII веке мощное государство в Нижнем Поволжье.

О славянах в прямом смысле можно говорить начиная с VI–VII веков н. э. Историки Античности называют их вендами и антами. По данным римских историков, венды занимали территорию между Вислой и Балтийским морем (впоследствии они станут западными, или балтийскими, славянами).

Византийские историки VI века отличают их от антов, которых называют восточными славянами: о них пишут, что они селились от среднего течения Днестра и Днепра до побережья Черного моря. Экономика восточных славян основывалась на охоте и сельском хозяйстве. Они были отличными воинами и, как кельты на Рим, совершали набеги на Византию; занимались коммерцией и работоторговлей.

Под предводительством булгар, а позднее авар, южные славяне разграбляли Балканы, а около 580 года расселились там и эллинизировались. Булгары, ставшие болгарами, около 679 года расселились к югу от Дуная, установив владычество над славянами Фракии и Македонии, а потом сами подверглись славянизации. Сербы, хорваты и словене в конце VI века оккупировали Паннонию и продвинулись вплоть до морского побережья, ассимилировав романизированные народы Иллирии.

Западные славяне обосновались к северу от Дуная. В X веке они создали государства Богемия и Польша. Восточные славяне боролись с германцами, которые постепенно перенимали у них приметы цивилизации. Магьяры, представители финно-угорской языковой группы, владычествовали над словаками и хорватами. Чуть дальше на восток славяне, занимавшие территорию древней Дакии, были романизированы, и впоследствии их земли стали частью румынского государства.

Западные славяне (балтийские славяне, или балты) крестились достаточно рано (около VI века), южные – чуть позднее, а восточные – позже всех (в конце X века) и в греко-византийской традиции.

Восточные славяне (которых преимущественно и касается наше исследование) в IX веке занимали долины рек Дона и Днепра, где жили разобщенными племенами и нередко враждовали между собой. Пока еще язычники, они не имели единой религии. Их боги зачастую были – по крайней мере,

Карта Руси до монголо-татарского ига (IX–XIII в.)

что касается названий – иранского происхождения. Они насыпали курганы; проводили религиозные обряды под открытым небом и практиковали жертвоприношения (включая человеческие); наконец, у них были свои предсказатели (волхвы).

В средневековых хрониках (уже после крещения) их одинаково называют «росы». Постепенно (к XII веку) этот термин обретает этническую, лингвистическую и религиозную самостоятельность, обозначая широкую этническую группу восточных славян, которые говорили на одном языке, придерживались одного направления христианства, воевали с общими врагами и пришли с востока. У них не было централизованного государства – только множество раздробленных княжеств, главным из которых считалось Киевское. К нему можно добавить также богатую и сильную Новгородскую республику. Отсутствием общей армии объясняется быстрое падение этого народа под натиском монголов в XV веке. Еще до монголо-татарского нашествия его территорию начали называть Русью.

Среди влияний, особенно сказавшихся на его цивилизационном развитии, следует выделить греческое (византийское), начавшееся с соперничества и вражды, которое тем не менее принесло немалый прогресс с принятием христианства как официальной религии. Варяжское (скандинавское) имело прежде всего политическую важность, поскольку первыми князьями становились варяжские полководцы. Не такие многочисленные, варяги быстро славянизировались. Им приписывают происхождение некоторых имен (Олег, Ольга и т. д.), некоторых обычаев и, возможно, культа бога Перуна.

Начиная с XII века восточные славяне продвигались на север, теснимые кочевниками. Север и восток представляли собой большую лесистую территорию, населенную автохтонными рассеянными финно-угорскими племенами, не имевшими общей государственности и придерживавшимися

анимистических верований. Эти племена поддерживали связи с поволжскими княжествами и испытывали иранское влияние. Постепенно они интегрировались в будущее российское государство (между XIV и XVII веками), перешли в христианство, но внедрили в него значимые языческие элементы. Они верили в многочисленных духов природы и леса, а также практиковали культ мертвых.

Эти разнородные влияния сказывались на искусствах, ремеслах, обычаях и религии/религиях. Доминирующая культура пришла с юга, но анимистические представления сохранились и укреплялись с продвижением восточных славян на север. Так возникла система разрозненных религиозных культов, не связанных между собой и даже противоречащих друг другу. Православие одновременно вытесняло и впитывало религии, предшествовавшие ему. По крайней мере до XV века новая система верований позволяла существовать также понятиям, образам, традициям и обрядам, связанным с дохристианскими культами и другими религиозными системами.

Начиная с XV–XVI веков (после монголо-татарского ига) восточные славяне разделились на три ветви: росы (или великороссы), украинцы (или малороссы), белорусы. С этого момента можно говорить о Руси/России в современном смысле слова.

Те же культурные тенденции прослеживались у западных и южных славян. У них также доминировали народная культура и религия с их демонологией, культом мертвых и природы, пусть и под маской христианства, которое они приняли раньше своих восточных собратьев. У них прослеживались и культы языческих богов, скорее всего заимствованные и быстро забывавшиеся.

Тем не менее с точки зрения истории и археологии славянское язычество не было единым нераздельным монолитом. Опираясь на данные хроник и так называемого «Слова об

идолах» XII века, археолог Рыбаков смог установить, что язычество прошло через несколько стадий, первой из которых был культ упырей и колдуний. Вторая, под средиземноморским влиянием, состояла из пиров в честь богов плодородия (Род и рожаницы); третьей стал культ Перуна, бога варяжского происхождения, восходящего к иранским корням. Четвертой был переход к христианству с сохранением некоторых местных верований.

Наше исследование касается, соответственно, мира восточных славян [1]. Тем не менее, если позволяют источники и тексты упоминают данных богов, информация о пантеоне и культах западных и южных славян будет приводиться тоже. То же самое касается даже автохтонных финно-угорских племен, интегрированных в Российскую Империю (с XVII века), а затем в Российскую Федерацию и по сей день (ошибочно) исключаемых из анализа верований и культов этой гигантской территории.

II. ЯЗЫЧЕСКИЕ БОГИ И КУЛЬТЫ С X ПО XIII ВЕК

Языческие боги и культы древних славян известны мало – причины тому мы указали во введении. Но есть одна, на которой мы не сделали достаточного акцента. Славянские народы опирались преимущественно на устную традицию. Письменность у них возникла с приходом христианства (она появляется в конце X века, запоздало по сравнению с западными славянами) [1]. Все хроники восточных славян (на Руси) написаны на древнерусском [2], западных – на латыни. Это письменные языки, недоступные простым людям и создававшиеся в первую очередь с целью распространения религии. Хроники и Слова, переводы с греческого, мало упоминают о язычестве, к которому настроены враждебно, как к главному сопернику. Народное творчество, лишённое письменности, передавалось, соответственно, лишь устно. Более того, сами его создатели не планировали передавать его каким-либо иным способом, кроме устного. Иными словами, с ограничениями с обеих сторон, пропасть была непреодолимой.

Долгое время ученые могли получать сведения о славянском языческом пантеоне, божествах, его населявших, и религиозных практиках только по хроникам и Словам [3].

Грюэль-Апер Лиз
МИРЫ СЛАВЯНСКОЙ МИФОЛОГИИ
Таинственные существа
и древние культы

Ответственные редакторы *М. Терехова, Е. Солодовникова*

Выпускающий редактор *М. Бушуева*

Редактор *Н. Родионова*

Художественный редактор *О. Жукова*

Технический редактор *Л. Синицына*

Корректоры *А. Сухарева, О. Ануфриева*

Компьютерная верстка *В. Демин*

В оформлении обложки использованы иллюстрации Ивана Билибина к театру «Синяя птица» в Берлине (1926 г.), сказкам «Марья Моревна», «Василиса Прекрасная», «О рыбаке и рыбке», былине «Волга»

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 15.09.2025.

Формат 60×88¹/₁₆. Гарнитура «CharterС».

Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 24,5.

Тираж 3000 экз. М-НІS-35541-01-Р. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательство АЗБУКА» – обладатель товарного знака «КоЛибри» 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ – «КоЛибри» тауар белгісінің иесі 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 Эл. поштасы: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА» в г. Санкт-Петербурге 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru	Санкт-Петербург қаласындағы «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 Эл. поштасы: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ о техническом регулировании можно получить по адресу: <https://certification.atticus-group.ru/>.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции (Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)

Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Тауар КӨ ТР 007/2011 «Балалар мен жасөспірімдерге арналған өнімдердің қауіпсіздігі туралы» талаптарына сәйкес келеді.

